

СЕМАНТИКА НЕСЧАСТЬЯ В РОМАНАХ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И «ОБЛОМОВ»

Н. С. Мерзликина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2023 г.

Аннотация: в статье прослеживается формирование семантики несчастья в текстах И. А. Гончарова — начиная от прозы 40-х годов и заканчивая самым известным произведением писателя — романом «Обломов». Тема несчастья является в этом романе одной из ключевых, и поэтому определение авторской концепции несчастья позволит по-новому интерпретировать финал романа, ответить на вопрос, вызывающий споры в литературоведении — а был ли Обломов счастлив?

Ключевые слова: семантика счастья, концепт счастья, концепт несчастья, категория несчастья, Гончаров.

Abstract: the article describes the formation of the semantics of misfortune in the texts of I. A. Goncharov — starting with the prose of the 40s and ending with the most famous work of the writer — the novel “Oblomov”. The theme of misfortune is one of the key ones in this novel, and therefore the definition of the author’s concept of misfortune will allow us to interpret the ending of the novel in a new way, answer the question that causes controversy in literary criticism — was Oblomov happy?

Keywords: semantics of happiness, concept of happiness, concept of unhappiness, category of unhappiness, Goncharov.

Тема счастья и несчастья становится сюжетообразующей во многих текстах русской литературы второй половины XIX века. Так, в статье, созданной авторским коллективом [Ибатуллина, Мишина, Радь, Старицына 2020], ученые обозначают ключевые векторы фелицитарного метасюжета в литературе и прослеживают их реализацию и эволюцию в текстах писателей XIX века: А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, затрагиваются также пути воплощения счастья в произведениях более широкого круга авторов — Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского. Ученые рассматривают счастье с точки зрения достижимости и недостижимости, рациональности и иррациональности и приходят к выводу, что «диалогические отражения разных путей интерпретации темы счастья позволяют рассматривать логику ее развития в качестве одного из метасюжетов русской литературы» [3, 101].

В творчестве Гончарова эта тема является особенно значимой, о чем свидетельствует частота употребления лексем со «счастливой» и «несчастливой» семантикой в произведениях писателя. Говоря о традиции изучения счастья в текстах И. А. Гончарова, стоит отметить исследования, где изучается преемственность творческого метода А. С. Пушкина и И. А. Гончарова. Это работа С. Г. Шепеля [12], а также монографии М. В. Отрадина [8] и А. Молнар [6]. Учитывая частоту употребления лексемы «счастья» в произведениях Гончарова, можно отметить,

что во многом благодаря этому, так или иначе, проблема счастья поднимается и в исследованиях, посвященных изучению других мотивов произведения.

В работе В. А. Недзвецкого рассматривается семейное счастье Штольцев с точки зрения полноты и неполноты. Автор отмечает декларативный характер их отношений, что ставит под сомнение абсолютность такого счастья [7, 29]. Е. И. Пинженина исследует проблему соотношения счастья, страсти и любви в романе «Обломов» и формирования концепции И. А. Гончарова «счастье-страсть» [9]. Однако, во-первых, автором не учитывается роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история», в котором, по мнению Е. А. Краснощековой, «уже проявились все предпочтения Гончарова в выборе традиций, жанра, сюжета, героя и всех других элементов романа» [5, 245]. Во-вторых, в работе отождествляется любовь и страсть и не разграничивается точка зрения автора и героев. Финальное несчастье персонажей в романе «Обломов» рассматривается как проявление авторской концепции Гончарова и не анализируются причины этого несчастья: «Уже из анализа некоторых эпизодов романа «Обломов» становится ясно, что конечное счастье, по Гончарову, невозможно для человека. Если оно возникает, то влечет за собой скуку, мыслится неполным, неполноценным. Для наполнения счастья необходимы хотя бы кратковременные ослепление, обман, упоение — смотря по ситуации и характеру» [9, 27].

Таким образом, исследование семантики счастья в художественном мире И. А. Гончарова имеет бога-

тую традицию. Однако, несмотря на существование отдельных исследований, до сих пор отсутствуют работы, в которых семантика счастья рассматривалась бы комплексно. Даже в наиболее полном исследовании Г. М. Ибатуллиной и Ю. А. Старицыной внимание уделяется в основном диаде «счастье-покой». Авторы отмечают двойственную природу «покоя»: «есть покой, понимаемый как житейское благополучие, и покой как полнота жизни, достигаемая через гармоническое единство житейского и духовно-метафизического в бытии человека. И та, и другая форма счастья-покоя обыгрывается в романе через метафору сна» [Ибатуллина, Старицына 2017: 18]. Метафора сна сопровождает описание состояния влюбленных Андрея и Ольги и «увядания» Обломова. Сопоставление двух сюжетных ситуаций позволяет авторам неоднозначно трактовать финал произведения, снижая градус его трагичности. Так, авторы отмечают, что единственной героиней, достигшей счастья в реальности, становится Агафья Матвеевна Пшеницына.

Однако если счастье в последнее время всё чаще становилось предметом исследования гончароведов, то несчастье оставалось без внимания. Между тем, в авторской концепции именно несчастье часто выступало маркированной, первичной категорией. Кроме того, сам И. А. Гончаров указывал на существование в текстах своих произведений скрытых «ключей», нахождение которых необходимо для постижения смысла. Поэтому кажется важным рассмотреть в художественном мире Гончарова семантику несчастья, обратить внимание на неочевидные контексты употребления лексемы и художественные детали, с помощью которых автор имплицитно выражает свою позицию. Это и определяет актуальность нашей работы.

Уже в первом произведении Гончарова, где возникает тема счастья, — в «Лихой болести» — автор делает акцент на описании семантики «несчастья», а «счастье» представлено как антонимичное состояние. В своем понимании термина семантика мы следуем определению О. М. Фрейденберг и подразумеваем отразившуюся в образном строе и языке произведения систему мировоззренческих значимостей, совокупность идеологических установок автора [11, 244].

Гончаров указывает на самый важный признак несчастья — страдание. «По-моему, какая бы ни была причина горя, но если человек **страдает**, то он и **несчастлив**» [1, 81], «Для измерения **несчастья** нет общего масштаба» [1, 81]. «Несчастливыми» в повести называются герои, которые рискуют своей жизнью. Так именуется Филипп Климыч, ходивший на прогулки вместе с семейством Зуровых, и само семейство Зуровых. Важно, что под гибелью в «Лихой болести» подразумевается не только физическая смерть. Несчастье связывается с нарушением спокойного течения

жизни: «да и могло ли быть иначе, когда **несчастливые** сами стремились навстречу всем неудобствам?» [1, 44]; «Куда **стремите** ваш **бег, несчастные**, и почто возмущаете **покой** ближнего? — возопил я вдохновенным голосом» [1, 46].

Значимым несчастьем становится уже в романе «Обыкновенная история». Потерю расположения возлюбленной Александр воспринимает как потерю смысла существования и жизни вообще. Об этом герой сообщает в разговоре с Адуевым-старшим:

— Что сделал? **Похитил всё** у меня.

<...>

— То, что для меня дороже всех сокровищ в мире, — сказал Александр.

— Что же это такое было?

— Всё — **счастье, жизнь** [1, 296].

О своих страданиях Александр говорит так: «Денег, денег! о, если б мое **несчастье** было только в безденежье, я бы благословил свою судьбу» [1, 421]. Петр Иванович, узнав о страданиях племянника, сразу предлагает денег, поскольку, видимо, считает, что причиной переживаний может быть только безденежье. Александр же не только лишается возлюбленной и признания себя как талантливого литератора, но и переживает разрушение прежних иллюзий и, следовательно, того, что он считал целью жизнью.

Во II части романа Александр уже даёт определение своему несчастью в любви и называет его причины: «Моё **несчастье** состоит в том только, что я **не встретил** существа, достойного этой **любви** и одаренного этой силой» [1, 325]. Этими словами Адуев-младший как будто бы подтверждает, что не находит в действительности подтверждения любовному идеалу. Однако сам этот идеал основывается на иллюзиях, равно как, соответственно, и представления героя о счастье.

И это демонстрирует вторая любовь Александра: любовь Юлии «существует в романах, а не в природе и... оттого всегда и бывает **несчастлива**» [1, 360]. Юлия, как и Александр, болезненно переживает несоответствие романтических представлений действительности и ожидает от возлюбленного нужных ей действий: «Она бы тотчас разлюбила человека, — если б он не пал к ее ногам, при удобном случае, если б не клялся ей всеми силами души, если б осмелился не сжечь и испепелить ее в своих объятиях» [1, 361].

В главах, посвященных роману Тафаевой и Александра, автор иронически намекает, что мужчине приносит несчастье внешняя привлекательность. Об этом мы узнаем из рассказа Петра Ивановича о Суркове: «Господствующая его слабость — женщины. Он же, к **несчастью**, как ты видишь, **недурен** собой, то есть румян, гладок, высок, ну, всегда завит, раздушен, одет по картинке... Тут у него пойдут и сюрпризы, и подарки, и **угождения**...» [1, 345]. Сурков имеет схожие с главным героем внешние харак-

теристики. Описание внешности Адуева-младшего мы находим в главе, где Адуев возвращается в Грочи: «Где же твои волосики? как шелк были! — приговаривала она сквозь слёзы, — глаза светились, словно две звездочки; щеки — кровь с молоком; весь ты был, как наливное яблочко! Знать извели лихие люди, **позавидовали** твоей красоте да моему **счастью!**» [1, 432]. Г. П. Козубовская сопоставляет персонажей с помощью такой детали, как шляпа. Она отмечает, что на семиотическом уровне шляпа символизирует оторванность головы от тела. Когда герои снимают шляпу, находясь рядом с возлюбленными, это стоит трактовать не просто как проявление вежливости, но и как указание Гончаровым на любовное безумие в порыве мечтательности [4, 131].

Ключевое сходство прослеживается в представлениях Суркова и Адуева о браке: «...она, говорит, может быть, и не мечтала о таком **счастье**, какое ей готовилось. Я бы, говорит, **не прочь жениться**, если б она умела **привязать** меня к себе» [1, 358]. В словах Петра Ивановича видна явная связь между внешней привлекательностью мужчины и его склонностью к «угождению». Красота делает персонажа-мужчину восприимчивым к женскому вниманию и лести, а это вынуждает его обращаться более к миру чувств, чем к миру дел и строгой прагматики. Беспокойство Петра Ивановича вызывает перспектива снижения прибыли завода из-за поведения Суркова. Следовательно, внешняя привлекательность мужчины приводит к безденежью, что и является, с точки зрения Адуева-старшего, подлинным несчастьем для мужчины.

В связи с этим в репликах старика Костякова, спутника Адуева-младшего, с которым тот после разрыва с Юлией «играет в шашки зимой, а летом за городом удит рыбу» [1, 393], можно увидеть намек на то, что могло бы быть для Александра подлинным счастьем. Сетую на то, что Александр упустил щуку, Костяков скажет о его рыболовном везении: «Но всё это не щука! <...> **было счастье** в руках, да не умели пользоваться; дважды этого не случится» [1, 396]. Как можно с осторожностью предположить, с помощью этой реплики Гончаров дает понять, что Александр, возможно, ошибся, когда решил отправиться в Петербург. Интересно отметить, что, говоря об отъезде Александра в I главе, повествователь мимоходом скажет о выбранном героем пути так: «Скрывался от глаз только прямой путь; заметь он его, так тогда, может быть, и не поехал бы» [1, 180]. Примечательно, что в IV главе II части спутником Александра, желающего «усердно умертвить в себе духовное начало» [1, 393], становится Костяков, любящий присутствовать при «**несчастных смертных случаях**». Тем самым в тексте косвенно сближаются духовная и физическая смерть.

Разочаровавшись в своих любовях, Александр Адуев предпочитает отказаться от всяких желаний и целей, дабы избежать дальнейшего ухудшения уча-

сти: «Не лучше ли жить без всяких надежд и волнений, не ожидать ничего, не искать радостей и, стало быть, не оплакивать потерь?..» [1, 416]. Семантика счастья и семантика несчастья тесно взаимосвязаны: прежняя составляющая счастья, основанная на любовной мечте, теперь враждебна герою и выступает причиной несчастья. При этом искомым покоем в понимании героя — не новый идеал счастья, а способ, благодаря которому можно избежать любых эмоциональных потрясений, неизбежно связанных как со счастьем, так и с несчастьем («Его пугал и периодический прилив счастья и **несчастья** в жизни» [1, 390]).

Соотношение несчастья и покоя более явно прослеживается в романе «Обломов»: тема счастья возникает тут уже на первых страницах. В I главе читатель застаёт главного героя, Илью Ильича Обломова, переживающим несчастье. Автор прямо не называет героя несчастным, однако намекает на это, описывая его состояние: «Он терялся в приливе житейских забот и всё лежал, ворочаясь с боку на бок» [2, 16]. Причины возникновения беспокойства связываются, с одной стороны, с необходимостью переезда, о котором сообщает Обломову Захар: «Ты **не беспокой** меня, а там, как хочешь, так и распорядись, только чтоб **не переезжать**» [2, 16]. С другой стороны, героя волнует уменьшение его доходов. Во II главе 1 части Обломов рассказывает об этом Волкову, а в беседе со Штольцем поясняет, в чем состоят его несчастья: «Совсем разорился» [2, 166]; «С квартиры гонят» [2, 167]. И перспектива разорения, и переезд вызывают у Обломова схожие ощущения. О переезде герой говорит патетически: «С квартиры гонят; вообразите — надо съезжать: ломки, возни, подумать страшно!» [2, 33]. Разорение также приобретает в глазах Ильи Ильича столь же гипертрофированные черты: «Да ведь я с голоду умру! Чем жить?» [2, 36].

Повествователь неоднократно подчеркивает, что несчастья связаны с беспокойством, и, соответственно, барьером на пути их экспансии служат забвение и успокоение себя различными словесными ритуалами: «...эти два **несчастья**, то есть, зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру, перестали **тревожить** Обломова и поступили уже в ряд **беспокойных** воспоминаний» [2, 94]; «Так он попеременно волновался и **успокаивался** и, наконец, в этих примирительных и **успокоительных** словах он успел оградить себя ими от двух **несчастий**» [2, 94]. Поиск новой квартиры и поездка в имение как реальные действия героем не рассматриваются. Рассказывая о «двух несчастьях» Алексею, Обломов смотрит на него «с сладкой надеждой, авось не выдумает ли, чем бы успокоить» [2, 36]. Покой становится и решающим аргументом Тарантьева, убеждающего Обломова поселиться на Выборгской стороне: «А там подумай: ты будешь жить у кумы

моей, благородной женщины, в **покое**, тихо: никто тебя не тронет; **ни шуму, ни гаму**, чисто, опрятно» [2, 46].

Однако не только переезд и разорение Обломов считает несчастьем. В VI главе II части герой называет несчастьем страсть: «Наконец, если и постигнет такое **несчастье — страсть**, так это всё равно, как случается попасть на избитую, гористую, несносную дорогу...» [2, 204]. Такому несчастью герой противопоставляет «вечно-ровное биение **покойно-счастливого** сердца» [2, 203]. Отношения, основанные на страсти, рождают в человеке «томления, изнеможения и потом бешеный переход к радости» [2, 203], что несовместимо с покоем. Поэтому Обломов убеждён в необходимости того, что «страсть надо ограничить, задушить и утопить в женитьбе» [2, 204]. Но если изначально свадьба в понимании Ильи Ильича выступает как «поэтический венец счастья» [2, 320], то в III части герой начинает считать себя «несчастливым» уже из-за предстоящей женитьбы на Ольге.

С этой точки зрения интересна автохарактеристика Обломова: «А ты ездил каждый день, **как окаянный**, с утра к невесте...» [2, 322], — отсылающая к определениям, которые герой использует по отношению к своим гостям. Он называет их «несчастливыми». Думая о жизни Волкова, Ильи Ильич радуется, что ему не нужно «в десять мест в один день», а можно лежать, «сохраняя своё человеческое достоинство и свой покой» [2, 21]. Очевидно, что несчастным Волкова делает в первую очередь отсутствие в его жизни покоя. К такому же выводу Обломов приходит, когда думает о Пенкине, который «не знает покоя», и Судьбинском, работающем «с двенадцати до пяти в канцелярии, с восьми до двенадцати дома» [2, 21].

Таким образом, в романе упоминается несколько несчастий — разорение, переезд, страсть, свадьба, и все они вызывают у Обломова одинаковое ощущение — беспокойство. Однако Гончаров делает акцент именно на двух несчастьях — разорении и переезде. Так автор использует возможность «от противного» обозначить главные ценности Ильи Ильича в жизни — покой и достоинство. Страсть или предстоящая свадьба как таковые тревожат героя меньше. В 4-й части романа герой женится на Агафье Пшеницыной: для Обломова в ней «воплощался идеал того необозримого, как океан, и ненарушимого покоя жизни» [2, 383].

Помимо тех определений, которые несчастьем даёт Илья Ильич, мы встречаем в тексте романа точки зрения других героев — Андрея Штольца и Ольги Ильинской. В V главе 1 части мы узнаем, что Штолец «говорил <...> как **несчастлив** Обломов, как **гибнет** все доброе от недостатка участия, деятельности, как **слабо мерцает жизнь** и как...» [2, 192]. Для Штольца несчастье друга заключается в гибели всех положительных начал и талантов. По-настоящему живым,

с его точки зрения, может быть только человек, ведущий активную деятельность. Неслучайно в IX главе 2 части, когда Штолец узнал об окончательном решении Обломова остаться на Выборгской стороне, он почувствовал «ту жгучую тоску, которую испытывает человек, когда спешит с волнением после разлуки увидеть друга и узнает, что его давно уже нет, что он **умер**» [2, 483]. Духовная смерть для героя равносильна физической, и поэтому Андрей безапелляционно говорит об отказе Обломова уехать в имение из дома Пшеницыной как о его реальной кончине, как будто вынося своему другу смертный приговор, не предполагающий обжалования: «**Погиб!** — машинально, шепотом сказал он» [2, 483], «**Погиб**, пропал ни за что» [2, 493]. Между тем, оценивая жизнь Обломова на Выборгской стороне как неотвратимое угасание, А. А. Фаустов трактует возникающую символику болота и ямы в связи с образом погребенного золота и света [10, 10].

Сближение несчастья и мотива «гибели» мы видим в произведении и в дальнейшем. Однако под «гибелью» нужно понимать не только нереализованность талантов и отсутствие жизненных стремлений. Любовь Ольги к Обломову основывалась во многом на фантазиях, и поэтому не могла полноценно реализоваться в настоящем. В момент расставания в этом убеждает себя и сама героиня: «Я **любила** в тебе **то**, что я хотела, чтоб было в тебе, что указал мне Штолец, **что мы выдумали** с ним» [2, 370]. Фантомы, которые герои принимают за счастье, никогда не могут реализоваться в действительности, и поэтому причиняют ещё большие страдания. Однако исполнение желаний и отсутствие стремлений также могут привести к «духовной гибели». Так, после того как в жизни Ольги воплощается «мечта роскошного счастья <...> на широкой арене всесторонней жизни, со всей ее глубиной, со всеми прелестями и скорбями — счастья с Штольцем» [2, 410], героиня начинает больше всего бояться «сна души»: «Вдруг как будто найдёт на меня что-нибудь, какая-то хандра...» [2, 458].

Помимо этого, несчастье может семантизироваться в романе как нездоровье. Так, в 1-й части произведения, где Обломов переживает беспокойство из-за «двух несчастий», он сообщает гостям об ухудшении здоровья и обозначает причины этого: «Ты не знаешь, сколько здоровья унесли у меня эти страсти и заботы!» [2, 351]. Здоровье, как и счастье, оказывается несовместимым с беспокойством. Не случайно, что в финале романа опасение Штольца вызывает физическое и духовное состояние Ольги. Автор называет беспокойство Ольги и её сомнения в собственном счастье «болезненными симптомами»: «стали являться какие-то новые, **болезненные** симптомы. Ею по временам овладевало беспокойство, над которым она задумывалась и не знала, как растолковать его себе» [2, 269]. То, что с точки зрения Штольца выглядит всего лишь как симптом физического не-

дуга, с точки зрения автора может являться симптомом несчастья.

При этом освобождение от душевных страданий и страстей, вызывающих беспокойство, в романе, наоборот, семантизируется как выздоровление. А оно, в свою очередь, расценивается как счастье. В IV главе 4-й части Ольга рассказывает Штольцу об отношениях с Обломовым и, избавляясь от чувства вины и сомнений в настоящей природе его чувств, начинает испытывать счастье: «Она вздохнула, как будто сбросила последнюю тяжесть с души. Оба молчали. — Ах, какое счастье... выздоравливать ... [2, 420]». Не только как причину беспокойства, но и как болезненный симптом воспринимает страсть и Штолец, который неожиданно сближается в этом и с Обломовым. В VI главе 2-й части он называет «идеалом жизни» и «нормой любви» такое состояние, когда неизменным остаются «вечно ровное биение **покойно-счастливого** сердца, следовательно, вечно наполненная жизнь, вечный сок жизни, вечное **нравственное здоровье**» [2, 203]. Интересно, что понятия здоровья и счастья тут сближаются с категорией нормы. Нездоровье же в романе может быть представлено и как неспособность воспринимать счастье. Поэтому Ольга отправляется помолиться об Обломове в Смольную церковь, «чтоб он был здоров, чтоб любил ее, чтоб был счастлив ею, чтоб... эта нерешительность, неизвестность скорее кончилась...» [2, 342]. С точки зрения Ольги нерешительность также выступает причиной несчастья, потому что мешает герою воспринять счастье, т.е. совершать поступки, ведущие по естественному пути жизни.

Таким образом, семантика несчастья в романе помимо беспокойства соотносится с физической и духовной гибелью; причиной последней нередко становится иллюзорная мечта и связанные с этим разочарования. Под несчастьем понимается всё, что способно разрушительно воздействовать на человека, а главным признаком несчастья — и с точки зрения повествователя, и с точки зрения героев — становится беспокойство. Антонимом несчастья, связанного с гибелью, является сохранение нормального хода жизни, её естественного уклада. Поэтому, по существу, единственными счастливыми героями у Гончарова оказываются персонажи «Обыкновенной истории» — Аграфена Ивановна и Евсей, которые блаженствовали десять лет и воссоединились после долгой разлуки.

Воронежский государственный университет

Мерзликина Н. С., аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета

E-mail: merzlikina_2014@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. / И. А. Гончаров. — СПб.: Наука, 1997. — 832 с.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. / И. А. Гончаров. — СПб.: Наука, 1997. — 493 с.
3. Ибатуллина Г. М. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века / Г. М. Ибатуллина, Г. В. Мишина, Э. А. Радь, Ю. А. Старицына // Современные исследования социальных проблем. — 2020. — № 4. — С. 91–115.
4. Козубовская Г. П. Костюмная парадигма в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» / Г. П. Козубовская, О. В. Калинина // The Scientific Heritage. — 2019. — № 38–2(38). — С. 29–33.
5. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощекова. — СПб.: Пушкинский фонд, 2012. — 528 с.
6. Молнар Ангелика. Поэзия прозы в творчестве Гончарова / Ангелика Молнар. — Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. — с. 54.
7. Недзвецкий В. А. Романы И. А. Гончарова / В. А. Недзвецкий // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. — Ульяновск: Симбирская книга, 1992. — С. 3–37.
8. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте / Отрадин М. В. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1994. — 168 с.
9. Пинженина Е. И. Концепт «счастье» в понимании героев романа И. А. Гончарова «Обломов» / Е. И. Пинженина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2009. — № 2. — С. 21–27.
10. Фаустов А. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: художественная структура и концепции человека: автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. А. Фаустов. — Тарту: Тартуский государственный университет, 1990. — 19 с.
11. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. / О. М. Фрейденберг. — М.: Лабиринт, 1997. — 244 с.
12. Шепель С. Г. Гончаров и Пушкин: к проблеме литературной
13. преемственности: автореферат дис ... канд. филол. наук / С. Г. Шепель. — М.: Московский государственный педагогический университет, 1995. — 74 с.
14. Энгельгардт Б. М. Путешествие вокруг света И. Обломова.
15. Главы из неизданной монографии Б. М. Энгельгардта / Б. М. Энгельгардт. — Санкт-Петербург: Литературное наследство. — 2000. — С. 15–73.

Voronezh State University

Merzlikina N. S., postgraduate student of Department of history and typology of Russian and foreign literature, Faculty of Philology